

Подтаяв, снова замечает
Снег душу мне, как будто мир,
Где с телефоном за ментами
Бежит подросток Бранимир;

Что вчетвером его подругу
Вперёд ногами в автозак
Несут, а пятый взял под руку
Её раскрывшийся рюкзак;

Оттуда падает фломастер,
И вся толпа кричит «позор»,
Елозя пальцами по власти,
И каждый палец как курсор;

И где зеленомордый Пушкин
Стоит не более чем фон,
Держа за пазухою пушку,
А может, тоже телефон.

Тихий запах тёмных брёвен.
Электричество крапивы.
Трансформатор шершня вровень
с головой неторопливой
проржавевшего кота.
Леса тра-та-та-та-та.

С точки зрения пространства
нет ни юности, ни детства
по отдельности, лишь масса
дней, спрессованная в тесто
(толщиною в звук сопли)
на поверхности земли.

Ты спросил меня: «Есть время?»
Ешь, конечно! Звёзды — крошки.
Память — полость для варенья,
где плоды и плодоножки,
волосина, лист и клоп
обрели один сироп.

Всё смешалось, как в том самом
доме. Кстати, был ли мальчик
кроме поезда с вокзалом,
кроме поля мать-и-мачех —
если даже дом и сад
быстро вышли из констант?

Так сморкнёшься — ветер сносит
эту каплю на штанину,
вытрешь, выпрямишься — осень,
а моргнёшь — пропустишь зиму;
и в попкорне облаков
сам не знаешь, кто таков.

Мозг хранит черты былого,
но, как солнце из нейтронов,
пере- он укомплектован
мелюзгой объектов, фонов,
смыслов, вымыслов и вер.
Взять хоть этот, например.

Проросли в другие вещи,
исказив ретроспективу,
рыжий кот, жужжащий шершень
и колючая крапива.
Так вырастает в обиход
поэтический подход.

Так в масштабе государства,
ничего не смысла в этом,
тьма моральных гондурасов
по методике поэтов
может впаривать свою
смертоносную стряпню.

Коле

Говори «август», не плачь, даже не грусти,
В ящичек на квадроцикле грибы грузи.

Повторяй «август, август», пробуй его
на вкус —
Странное слово, словно во мху арбуз.

«Август, август, август» — тверди, будто
метроном,
Не позволяя времени халтурить в краю
родном.

Ни в мгновении да не останется пустоты:
Это секунды, в которых не выжил ты.

Соединяй два мира: только на стыке их
Есть оправдание всполохов августовских.

Ряжи речные запряжены по два:
«Август — тсугва, август — тсугва».
Август — цуг-ва.

Ехать на юг поздней осенью и на поезде —
Лучшая комбинация из набора
Странных вещей, ограниченного кругозора,
Квантовой физики, памяти и совести.

Локомотив идёт с идеальной скоростью.
И потому, глядя в окно вагона,
Можно заметить, как зеленеют кроны,
Будучи осыпавшимися полностью

Сутки назад ещё. Если бы реверс времени
Сердцебиением, стуком колёсной пары
Опровергался, нумеровались шпалы,
Я бы не верил этому. Тем не менее,

Только начнут разваливаться растения,
Предвосхищая общую энтропию,
Я бы показывал проводнице имя —
И перематывал судьбу осеннюю.

В свинцовом свете переулка
Детали вплавлены в детали.
Здесь приазовская вогулка
Жила, теперь живёт едва ли.

Но я, возникнув ниоткуда,
Качаю в памяти, как зыбку,
Её пронзительные зубы,
Её раскосую улыбку.

Тут был как будто склон вулкана.
Меня несло по руслу зноя
К её хибаре бездыханной
С неопалимым каланхоэ.

Стояло сердце — трясся воздух,
И бог в предчувствии пожара
Сосредотачивался в осах
На острие кривого жала...

Но в этих сумерках осенних
Уже не кажется отравой
Тот дом — где прошлое краснеет,
Как остывающая лава.

Больше, чем алкомаркетов — только аптек,
Значит, ещё не в минусе человек,
По отношению к поверхности планеты
Земля.

Разве что частично ниже нуля.
О, драматический бадминтон! — а я волан.
Перья — не крылья, но повод разбиться
всмятку.

Если бы кроме сетки, ещё была
Вписанная в конечный объём площадка.

Но бесконечность понятна только ежу.
Я в произвольном порядке в них захожу,
Главное правило не забыв пока:
По одному касанию от игрока.
Следовательно, система держится лишь
на мне.

Если я пролечу мимо ракетки,

Эти несчастные молча сгинут во мгле,
И вслед за ними растут пиксели сетки.

В нашем дворе не было дурачка.
Я бы о нём сегодня писал стихи.
Так, мол, и так — резиновые сапоги,
А под губою затянута шапочка.

Он бы, как мы, наверно, жевал гудрон,
Пульки бы выколупывал изо льда,
Плавил свинец — тем не менее, никогда
И никому не сделался бы другом.

Фигли водиться с ним — не пойми о чём
Думает, разговаривает невпопад,
Гонит за нашими велосипедами самокат,
За улетевшим лезет в овраг мячом...

...Я выходил в апрельский слепящий день,
Каплю словив с подъездного козырька, —
Из-под сугроба выныривала река,
Переливались алмазы в её воде.

Спичка терпела крушение в пять минут,
Но я команде ничем не мог помочь
Под ледяными сводами — эту толщ
Ни кирпичи, ни прыжки мои не берут.

Зная, что все там выжили, и решив
Завтра отправить к ним спасательный рейс,
Топал на стройку — думая, что там есть
Кто-то из наших, после — за гаражи.

Но никого нигде. Лишь под вечер все
Вышли во двор, конфеты пихая в рот.
Лёха сегодня их собирал на торт.
Лёхино день рожденья! Забыл совсем!

Скрупулёзная память — гнёт,
Превративший меня в песок;
По пустыне моей бредёт

Человечек наискосок;
И другие пути едва ли
Меньше данной диагонали.

Потому что любая из
Этих точек была объём.
Вещь, событие, организм,
Водоём перед кораблём.
До момента, покуда днище
Корабля дно воды отыщет.

Даже позже. Сначала там
Начинается город. В нём
Строят школу, больницу, храм,
Проверяя себя огнём.
И над морем огня, как остров,
Громоздится железный остов.

Ведь любому из кораблей
Суждено утонуть в земле.
Что не выгрыз им суховей,
Что не выплавилось в золе —
То лежит на больших глубинах
В темноте на алмазных глинах.

И поэтому не видна
Никакая в пустыне вещь.
Всё, что было, достигло дна,
Что осталось — не может лечь
На него, так как в этих толках
Легче скрупулы воздух только.

Пусть оазисы глаз моих —
Вероятные миражи,
Ориентируйся лишь на них,
Как на меньшее из лжи,
В месте, где возвести частицу
Снова в целое не случится.

Но у этого есть края.
Продолжая диагональ,
Помни — это всего лишь я.
Ты пройдёшь и увидишь даль —
Где встают первобытным строем
Горя горы над мора морем.

Поиск собственного «я»
Не рифмуется с вещами,
Хоть вытягивай клещами —
Получается фигня.
Вряд ли кто-нибудь прочтёт
Геометрию мытарства,
Неевклидова пространства
Иррациональный счёт.

Беспредметная тоска,
Как проекция из бездны,
Где предметы неуместны,
Наиболее близка
К настоящему. Её
Исчезающих материй
Не напялишь в кафетерий,
Не притянешь в окоём.

Разве только невпазд
Соберутся ниоткуда
Архимедовы прибуды
И ньютонів суррогат —
Будто взявшие за фук
Тишину, чужими лбами
Забивая гвозди в память,
Обращая в буквы звук.

Извлекутся из глубин
Безызвестности, как мошки
На фонарь, тарелки-ложки
И в испарине графин;
И поедет по столу
Телефон, играя «Мурку»,
Кувыркнется штукатурка
В протекающем углу...

Может в чёрную дыру
Превратить любую массу
Мир, начав перебираться
Под нейронную кору;
В совокупности вещей
Гравитация соблазна
Находить единство в разном
Неизбывна вообще.

Говорят, что даже свет
Обретается в пределах

Этих дыр (по сути — белых)
В неминуемом родстве,
На бессмысленном посту...
И невидимая масса
Погружается в пространство,
Искавляя пустоту.

Ужас птицы, влетевшей в комнаты.
Летний день. Нараспашку окна. Ты,
Состязаясь как будто в смертности
С ней, колеблешься на поверхности
Человеческой светомузыки,
Протянув мне две чёрных бусинки...

Штиль заканчивается штормами.
Берег быта, омытый шторами,
Свеж и чист, но в какой-то степени
Хаотичен. Оттенок сепии
Добавляет пейзажу сирости
И стороннему взгляду — сырости.

Перепутав следствие и причины,
Мы благодарили судьбу за то, что
Проросли кустом на краю пучины,
Хоть смотреть в неё нестерпимо тошно.
Хоть руками ветви, ногами корни
И не стали, даже листва — не крылья,
На континентальной дрожа платформе,
Мы рельеф за это благодарили.

Мы росли, приветствуя местный климат
За возможность выйти цветку из почки,
За ходьбу воды в известковых глинах,
За фотон из каждой небесной точки.
Прославляя вектор как суть материй,
Даже в камне и плодородном иле,
Мы спасались тем, что крепили берег —
И за это реку боготворили.

И река буквально была к нам склонна —
Благо ей хватало уклона русла.
Мы открыли время, считая волны,
А за ним — смертельную страсть
к искусству,
Что видна, когда без дождя и ветра,
И вне птиц, в небесную взмывших окись,
Вдруг сама собою качнётся ветка,
Под картиной мира поставив подпись.

Как престарелый язвенник, заношенную
пижаму
сдавший, в своё влезает и на крыльце
больницы
съёживается узластою гусеницею шрама,
чтобы его крылатое не расклевали птицы,
так, в единицу времени, срастившую вдох
и выдох
в бледного человека, ждёт пустота сквозная
свой, по недоразумению сросшийся, в теле
выход,
в позднеапрельском таянии берегов, я знаю.